

«ТЕАТР—ГЛАВНОЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ»,—

говорит Максим Михайлов

Редакция. Максим, у тебя легендарная фамилия. Знаменитый бас твоего деда, М. Д. Михайлова, входит в золотой фонд Большого театра. Мешает это тебе или помогает?

М. Михайлов. И мешает, и помогает одновременно. Приятно, разумеется, что сразу узнают, вспоминают деда, но ведь и сравнивать сразу невольно начинают...

Ред. Ты вырос в певческой семье. А как быстро ты осознал свое предназначение?

М. М. Путь в оперу получился довольно извилистым. Сначала появился интерес к музыке: родители рано, в четыре года, посадили меня за пианино. И началось массивное приобщение к музыке. Мне очень везло с педагогами. Начиная с раннего детства, и позже, в школе и в институте, меня учили замечательные музыканты и очень яркие личностно люди. Я много от них получил. Одним из первых моих педагогов был профессор И. Ф. Пушечников. Я учился у него играть на гобое. Потом в классе доцента, солиста Госоркестра К. М. Ладилова я осваивал тромбон, а после его неожиданной кончины (я учился на третьем курсе), продолжил занятия с В. Б. Баташевым, который был в то время солистом оркестра Радиокомитета. Очень много дала мне встреча с Артуром Артуровичем Эйзенем, который начинал воспитывать меня как певца.

Ред. Ты закончил ЦМШ?

М. М. Нет, я учился в гнесинской десятилетке. В то время его руководил С. И. Фелькенштейн, любимый ученик Е. Ф. Гнесиной... Таким было начало, и я считаю его удачным. Мне везло

на встречи с настоящими мастерами и в то же время — хорошими людьми.

Ред. Учеба давалась легко?

М. М. Да. И в этом главный минус. В понятии «легко учиться» зарыта большая злая собака, поскольку, на мой взгляд, чем легче схватываешь, тем легче и геряешь, над многим не задумываясь, не придавая значения подчас, важным и нужным вещам.

После школы я поступил в Институт имени Гнесиных по классу тромбона. К концу школы я уже видел себя музыкантом, хотя подспудно зрело желание петь, но оно было еще не оформленным, на уровне подсознания...

Ред. Пытался пробовать голос?

М. М. Вряд ли можно это так назвать. Оставаясь один в квартире, закрывал окна и двери и... орал арию Варяжского гостя. С поступлением в институт связано и начало моей работы в сценическом оркестре Большого театра. Я чувствовал потребность пробовать свои силы, искать «свое» и решил играть конкурс

в Большой. Выдержал его, стал учиться и одновременно работать в сценическом оркестре театра, а вскоре открылась новая страница в моей жизни — уже вокальная...

Ред. Как это случилось?

М. М. Это было заранее подстроено. Теперь уже я могу открыто признаться. Отец попросил А. А. Эйзена меня послушать, но мне ничего об этом не сказал, а просто попросил зайти в институте в класс Артура Артуровича и передать

привет. Я, ничего не подозревая, «купился» и выполнил поручение. Это стало началом моего певческого поприща. Восемь лет я учился у Артура Артуровича Эйзена. А в 1987 г. со второй попытки поступил в стажерскую группу оперы Большого театра. Утром отыграл оркестровую репетицию и пел первый тур...

Ред. Ты не считаешь эти годы для себя упущенными?

М. М. Нисколько. Семь лет в сценическом оркестре дали мне очень много: я хорошо чувствую оркестр, свободно ориентируюсь в его тембровом многообразии, а чувство ансамбля, присущее каждому артисту оркестра, снимает для меня как певца многие проблемы во время спектакля.

Ред. Есть ли у тебя «свой», постоянный концертмейстер?

М. М. Нет, но есть определенные симпатии, которые многое определяют. Я могу взять на себя целиком разбор материала, но для того, чтобы партия вокально «дозрела», работа с концертмейстером, на мой взгляд, очень важна. Я прихожу в класс с уже выученной партией, чтобы всесторонне поработать над ней. Очень люблю заниматься с И. Л. Виннером. Чрезвычайно обаятельный, симпатичный и вместе с тем очень педантичный человек, высочайшего уровня профессионал. С ним приятно и легко работать, всегда получается хороший результат. Л. А. Моги-

левская — живое олицетворение славы концертмейстерского искусства Большого театра, человек с уникальным опытом, уникальным запасом знаний. Мы так часто встречались в классе, но я помню все встречи, ибо каждая из них стала для меня событием. Когда я готовил партию Мефистофеля (для другого театра), я попросил Лию Абрамовну проконсультировать меня. Мы встретились раз пять, и эти занятия дали мощный импульс моей работе над партией. Люблю сотрудничать с Е. В. Чеглаковой, в содружестве с ней сделал много интересного.

Ред. Максим, ты ждешь пока руководство оперной труппы предложит тебе партию или проявляешь инициативу?

М. М. У меня был период, когда я постоянно спрашивал, что нужно театру. Может быть, это было моим недостатком. Я спел около двадцати вторых и третьих партий, но чего-то более интересного и весомого театру от меня так и не понадобилось...

Ред. Твоя первая партия?

М. М. Из тех, о которых можно говорить как об интересных, — Скоморох в «Сказке о царе Салтане». Это — первая моя партия, в которой было более десяти слов. Мы готовили ее с И. Л. Виннером. Спектакль вел А. Н. Лазарев. Из ведущих партий — Царь Додон в «Золотом петушке», которого пою вот уже пять лет. Теперь я понимаю, насколько рискованным был этот шаг — поручить мне в то время такую партию. Для меня это было подобно тому, словно из окопа вылез и под перекрестный огонь попал, в общем, что называется, «либо пан, либо пропал». Очень суровое, может быть, даже слы-

шное суровое испытание для молодого певца. С началом профессиональной работы в опере для меня связано прежде всего постоянное ощущение поиска. Я пытаюсь найти путь к самому себе, с этим связана внутренняя переоценка своих возможностей, поиска своего репертуара, тех средств, которыми я мог бы наиболее свободно владеть, ну, и в конечном итоге, поиск своего собственного голоса.

Ред. Что ты имеешь в виду?

М. М. Не секрет, что каждый ученик вольно или невольно подражает своему педагогу, тем более, если речь идет о любимом ученике и любимом педагоге. У нас с Артуром Артуровичем Эйзенем всегда были очень теплые, доверительные отношения. По-моему, с ним просто невозможно общаться иначе. Это замечательный человек. В определенный момент я подражал своему педагогу, как раньше — подражал деду. Думаю, что нечто подобное происходит со всеми, главное — найти себя, обнаружить и проявить то неповторимое, что нас отличает друг от друга, позволяет узнавать голоса певцов по радио. На этом пути к себе каждого ожидают подводные камни, огорчения, падения. Я — не исключение. Было затрачено много сил и времени. Два года в жизни певца — немалый срок, может быть, я что-то упустил за это время, но ни о чем не жалею. Кажется, я начинаю находить самого себя. Практически все последние мои работы несут на себе отпечаток этой переоценки.

Ред. Есть ли среди них любимая партия?

М. М. Каждая роль, в которой я выхожу на сцену, в тот мо-

мент для меня — любимая. Это — и Додон, и Собакин, и Варлаам, и даже Зарецкий, Барон в «Травяте», Том в «Бале-маскараде»... И дело тут не в моей «всеядности», а в том, что разница — ведущая или второстепенная роль — существует в нашем отношении к ним. А во время спектакля уже нет никаких различий. Все роли, все персонажи одинаково важны. Как сказал классик, нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Но у меня есть и самая любимая партия, которую я пока не спел в Большом театре. Надеюсь, все впереди. Несмотря на все сложности и огорчения, по-прежнему считаю, что мне везет. Безусловно, удача, что два с половиной года назад меня пригласили принять участие в музыкальном фестивале имени М. Д. Михайлова в Чебоксарах. Теперь я в этом театре бываю регулярно и есть партии, которые пою только там. Например, Кончака. Мне очень нравится эта работа. Я не был занят в совместной постановке «Князя Игоря» в Генуе, но краем глаза увидев ремарки Б. А. Покровского, понял, как много интересного можно еще сделать в этой роли...

Ред. Твои работы всегда очень отточены сценически...

М. М. Это результат общения с А. А. Эйзенем и Б. А. Покровским. Мне повезло, мой приход в оперную труппу совпал с замечательным событием — возвращением в Большой театр Бориса Александровича Покровского. Поначалу мне было очень неловко на его репетициях, я впервые столкнулся с такими методами работы. Но вскоре понял, что это как раз то, что мне нужно. Мы все в какой-то степени

инертны, только одни знают об этом, а другие не догадываются. Нужна постоянная встряска. Есть такая страна Япония. Мне кажется, что японцы достигли в своем развитии таких вершин отчасти благодаря ежедневным землетрясениям. Встречи с В. А. Покровским как раз и создали такой «японский эффект». В результате я стал многое иначе воспринимать и оценивать. Что же касается работы над образом, то, должен признаться, специально ролью я не занимаюсь, образ вырисовывается в процессе работы сам собой. Просто, видимо, в какой-то момент растворяется в моей жизни и присутствует на уровне подсознания постоянно.

Ред. Ты много выступаешь в концертах. Что дает тебе камерное исполнительство?

М. М. На мой взгляд, камерное творчество как бы раздвигает рамки, которыми ограничивает певца театральная сцена. Одному и тому же произведению могу придать разный смысл, то есть, выступаю и как исполнитель, и как режиссер. Я свободен в своей интерпретации, и это, безусловно, привлекает в камерном творчестве.

Ред. Как сложилось, что из участника фестивалей имени М. Д. Михайлова в Чебоксарах ты превратился в президента Фонда М. Д. Михайлова?

М. М. В Чебоксарах я впервые исполнил не только Кончака и Мефистофеля, но и Собакина в «Царской невесте», которого два месяца спустя спел в Большом театре. Участие в спектаклях Чебоксарского театра оперы и балета стало для меня как бы генеральной репетицией перед выходом на главную сцену. Там

мне проще искать, пробовать, экспериментировать. И я очень ценю эту возможность. Большой театр, на мой взгляд, требует показа готовой, зрелой работы. После участия в первом фестивале я несколько раз пел в Чебоксарском театре спектакли текущего репертуара, подкложился к подготовке второго фестиваля. Я рад, что наши певцы охотно откликнулись на приглашение выступить на втором фестивале. Кроме того, в помощь артистам были приглашены гримеры и костюмеры Большого театра. Тогда и появилась идея создания Фонда. Связано это прежде всего с тем, что грядет вековой юбилей М. Д. Михайлова. 25 августа деду исполнилось бы 100 лет. В наше сложное коммерческое время необходимо заранее подумать о том, как обеспечить его достойное проведение. Хотелось бы не брать под контроль праздник, а просто взять и сделать его! В проведении третьего, юбилейного, фестиваля, кроме нашего Фонда и Чебоксарского театра оперы и балета, примут участие Международный союз музыкальных деятелей и Министерство культуры России.

Ред. Фонд уже зарегистрирован?

М. М. Да, в ближайших планах — публикация юбилейного издания книги о М. Д. Михайлове. Возможно, удастся выпустить альбом его пластинок. Безусловно, мы будем помогать молодым артистам, в первую очередь, студентам-певцам. Будут учреждены именные стипендии, пока только для учащихся Московской государственной консерватории, Российской Академии музыки имени Гнесиных и Чебоксарского музыкального училища.

Ред. Фонд уже зарегистрирован?

М. М. Да, в ближайших планах — публикация юбилейного издания книги о М. Д. Михайлове. Возможно, удастся выпустить альбом его пластинок. Безусловно, мы будем помогать молодым артистам, в первую очередь, студентам-певцам. Будут учреждены именные стипендии, пока только для учащихся Московской государственной консерватории, Российской Академии музыки имени Гнесиных и Чебоксарского музыкального училища.

Среди своих задач Фонд видит и помощь ветеранам сцены. Это наша святая обязанность. Среди тех, кто бескорыстно, не задумываясь о «черном дне», служил искусству, многие нуждаются сегодня не только в моральной, но и в материальной помощи.

Ред. Как в твоей душе уживаются артист и президент Фонда, решающий организационные проблемы?

М. М. Я — певец. В этом моя жизнь, и театр для меня главное. Но есть интерес и желание заниматься фондом. Бремя административных забот в Фонде несут два человека: я и исполнительный директор А. Шипов. Насколько удачно, покажет время. Пока нам помогли и помогают различные организации, мы постоянно чувствуем поддержку и внимание. Материальной выгоды создание Фонда, разумеется, не принесет никакой. Только моральное удовлетворение от мысли, что, может быть, мы сможем кому-то помочь, кого-то поддержать в трудную минуту, а также внести свой вклад в проведение юбилея М. Д. Михайлова. В этом я вижу сегодня свой долг. Но, повторюсь, прежде всего я — певец, мое место — на сцене.

Ред. В таком случае, каковы твои творческие планы?

М. М. Скажу о том, что уже подготовлено, но пока не реализовано. Я очень надеюсь, что мои творческие планы будут аксиомально совпадать с планами и театра, что я буду нужен театру, так же как он нужен мне. У меня готовы Кончак и Мефистофель. И я буду рад оказаться нужным Большому театру в этих ролях...

Интервью подготовила
М. ПЕСКОВА.